

БОРЬБА СОВЕТСКОГО СОЮЗА ПРОТИВ ФАШИСТСКОЙ АГРЕССИИ, ЗА КОЛЛЕКТИВНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

И. К. КОБЛЯКОВ

Изучение предыстории второй мировой войны позволяет глубже разобраться в ее происхождении и правильно определить причины ее возникновения, так как ход войны, особенно в начальной стадии, в значительной степени объясняется предвоенной политикой ведущих капиталистических держав.

Правительства двух коалиций империалистических держав, участвовавших в войне, начали фальсификацию предыстории войны сразу же после нападения фашистской Германии на Польшу. Замалчивая политику изоляции Советского Союза, которая сделала для СССР неизбежным заключение договора о ненападении с гитлеровской Германией, правительства Англии и Франции после заключения этого договора стремились обвинить Советский Союз в сговоре с Гитлером и переложить на СССР ответственность за нападение Германии на Польшу.

После окончания второй мировой войны центром фальсификации ее предыстории и истории стали США. В 1948 г. Госдепартамент США опубликовал фальсификаторский сборник документов «Советско-нацистские отношения 1939—1941 гг.». В начале 1959 г. им же была предпринята новая попытка фальсифицировать внешнюю политику СССР кануна второй мировой войны, а вместе с тем защитить и обелить политику правительств Англии и Франции периода 1938—1939 гг. С этой целью он опубликовал объемистую брошюру под названием «Советская нота по Берлину. Анализ»¹. В ней говорится, что английское и французское правительства будто бы стремились преградить германской агрессии путь на восток Европы.

Опубликованные в послевоенный период в США, Англии, Франции и Западной Германии документы² имеют своей целью убедить читателя в том, что правительства США, Англии и Франции не несут ответственности за развязывание второй мировой войны, и доказать, что виновен в этом якобы Советский Союз.

¹ «The Soviet Note on Berlin: An Analysis», Washington, 1959.

² «Documents on German Foreign Policy, 1918—1945», Series D., vol. I—IX, London, 1949—1956; «Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik 1918—1945. Aus dem Archiv des Deutschen Auswärtigen Amtes», Baden-Baden, 1950—1951, Bd. I—IV; «Weltgeschichte der Gegenwart in Dokumenten», München, Bd. I—III, 1955—1956; «Documents on British Foreign Policy, 1919—1939», Third Series, vol. IV—VII, London, 1953—1958; «Peace and War», Washington, 1943; «Documents on American Foreign Relations», ed. by L. M. Goodrich and M. G. Carroll, v. I—VI (1939—1945), Boston, 1940—1946; «Gelbbuch der französischen Regierung. Diplomatischen Urkunden 1938—1939», Basel, 1940 (далее: «Gelbbuch»); «Der Prozess gegen die Hauptkriegsverbrecher vor Militärgericht», Bd. I—42, Nürnberg, 1947—1949.

Западногерманские историки в фальсификации причин второй мировой войны идут еще дальше, чем их коллеги в США, Англии и Франции. Бывшие гитлеровские генералы, дипломаты и западногерманские историки, многие из которых верой и правдой служили Гитлеру, пытаются доказать, что вся предвоенная политика Советского Союза была направлена против Германии и поэтому вероломное нападение фашистской Германии на СССР явилось превентивной войной в целях защиты Германии от «красной опасности» с Востока³. «Судьба сделала Германию своеобразным хранителем Европы и всего западного мира и барьером против распространения коммунистического панславизма»⁴.

В фальсификации внешней политики СССР и причин второй мировой войны принял активное участие и У. Черчилль. В шеститомной истории второй мировой войны У. Черчилль ничтоже сумняшеся утверждает, будто СССР отказался «защитить Польшу», что и послужило непосредственной причиной возникновения войны. Напомним, что тот же Черчилль еще в 1939 г. делал совершенно иные заявления. Так, в выступлении по британскому радио 1 октября 1939 г. он был вынужден признать, что СССР правильно сделал, позаботившись о том, чтобы отодвинуть рубежи развертывания германских вооруженных сил на Запад, подальше от жизненных центров СССР, и что Советский Союз готовился оказать сопротивление гитлеровской Германии.

Лживым ангажированным концепциям буржуазных фальсификаторов истории второй мировой войны советские историки противопоставляют свою, марксистскую научную концепцию, подкрепленную соответствующими документами.

В Советском Союзе публикация документов по предыстории второй мировой войны началась в 1939 г. Эта работа продолжалась во время войны, но особенно широко она развернулась в послевоенное время и продолжается по сей день⁵.

Опираясь на советские документальные публикации, а также критически используя документы, опубликованные в иностранных изданиях, советские историки занялись глубоким изучением предыстории и истории второй мировой войны. Комиссия историков СССР и ГДР посвятила этим проблемам две научные сессии в 1957 г. и 1959 г.⁶.

Значительная работа проделана советскими историками, а также историками ГДР и других стран народной демократии по разоблачению буржуазных фальсификаторов истории второй мировой войны.

Продолжение этой работы — одна из важнейших задач советских историков и в настоящее время.

³ «Мировая война 1939—1945 гг.», сб. статей, пер. с нем., М., ИЛ, 1957; З. Вестфаль, В. Крайпе, Г. Блюментрит и др. Роковые решения, пер. с нем., Воениздат, 1958; «Итоги второй мировой войны», сб. статей, пер. с нем., М., ИЛ, 1957; К. Тилпельскирх. История второй мировой войны, пер. с нем., М., 1956, и др.

⁴ «Мировая война 1939—1945 гг.», стр. 494.

⁵ «Внешняя политика СССР», сб. док., т. IV, М., 1946; «Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны», т. 1—3, М., 1944—1947; «Новые документы из истории Мюнхена», М., 1957; «Документы Министерства иностранных дел Германии», вып. 1—3, М., 1946; «Документы и материалы кануна второй мировой войны. Из Архива Министерства иностранных дел Германии», т. I, М., 1948; «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. II, Архив Дирксена, М., 1948; «Запись московских военных англо-франко-советских переговоров лета 1939 г.», опубликована в ж. «Международная жизнь», 1959, № 2, стр. 144—158 и № 3, стр. 139—158; «Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками», в семи томах, М., Госюриздат; «Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», т. I, М., 1957; т. II, М., 1957; «Внешняя политика СССР в период Великой Отечественной войны», док. и материалы, т. I, М., 1946; «Дневник Гальдера» в «Военно-историческом журнале», 1959, № 2.

⁶ «Комиссия историков СССР и ГДР. Проблемы истории второй мировой войны. Протокол научной сессии в Лейпциге с 25 по 30 ноября 1957 г.», М., 1959; «Германский империализм и вторая мировая война. Материалы научной конференции комиссии историков СССР и ГДР в Берлине (14—19 декабря 1959 г.)», М., 1961.

Предлагаемая читателю статья ставит ту же цель. Но в отличие от других статей, где при описании предвоенного политического кризиса в Европе главное внимание сосредотачивается на описании и анализе внешней политики западных держав, автор данной статьи стремился, опираясь на новые, не опубликованные до сих пор документы и материалы из архива МИД СССР, а также из германских трофейных архивов, показать внешнюю политику Советского Союза накануне второй мировой войны, его неустанные усилия в деле организации коллективного отпора фашистским агрессорам.

НАЗРЕВАНИЕ ПРЕДВОЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА В ЕВРОПЕ

Предвоенный политический кризис в Европе 1938—1939 гг. явился следствием мирового экономического кризиса, начавшегося в 1937 г., а также дальнейшего усиления неравномерности развития капиталистических стран. Далеко ушли вперед в промышленном развитии США. Обогнав Англию, Германия вышла на второе после США место среди капиталистических стран. На долю Германии приходилось 12% мировой промышленной продукции. По отдельным видам промышленной продукции ее показатели были еще выше. Так, по выплавке чугуна доля Германии достигла 22%, по стали—24%, по каменному углю—17%, по машиностроению—14% и т. д. Доля Германии в промышленной продукции Европы в 1938 г. составила 32,6%, Англии—23,7%, Франции—11,2%. Промышленность Японии также росла быстрыми темпами.

Передел мира, закрепленный после первой мировой войны версальско-вашингтонской системой, оказался устаревшим. Агрессивные державы (Германия, Италия и Япония) начали борьбу за новый передел мира. Возглавляла блок агрессоров гитлеровская Германия, которая в короткий срок, опираясь на прямую и широкую финансовую поддержку правящих кругов США, воссоздала мощную военную промышленность. Сыграли свою роль в восстановлении военно-промышленного потенциала Германии и английские займы. В результате этого и была создана первая и решающая предпосылка развязывания гитлеровской агрессии. Новый передел мира, которого добивались Германия, а также Италия и Япония, прежде всего и больше всего задевал интересы Англии и Франции, их колониальные владения. В сложном переплетении противоречий между империалистическими державами главными были англо-германские противоречия.

Правящие круги Англии пытались сговориться с Гитлером за чужой счет, и прежде всего за счет СССР, а также государств Юго-Восточной Европы.

Желание сговориться с гитлеровской Германией путем заключения двустороннего англо-германского соглашения было настолько сильным, что английское правительство было готово предоставить Германии новые долгосрочные займы, а также условиться о разграничении сфер влияния и рынков сбыта. Одна из первых попыток такого рода была сделана по заданию британского МИД английским промышленником Рикенсом в начале 1937 г. Как свидетельствует запись беседы фон Папена с Рикенсом от 9 февраля 1937 г., последний в этой беседе развивал мысль о необходимости включения Германии в мировое хозяйство, т. е. предоставления ей рынков сбыта. Рикенс говорил: «Существенным является включение Германии вновь в процесс мирового хозяйства. Это может быть достигнуто:

а) Путем выпуска достаточно долгосрочного (около 40 лет) займа с незначительной процентной ставкой, причем одна часть должна быть предоставлена в золоте для того, чтобы обеспечить международную стабильность в достаточной степени обесценившейся (уже) марки. Заем должен быть использован как для консолидации германских внешних долгов, так и для расширения германских рынков.

б) Помимо этого займа, в странах, где германский рынок особенно сокращается, должны быть сильно снижены пошлины».

Рикенс обещал гитлеровской Германии не только долгосрочный льготный заем. Он заявил, что «наряду с этим займом найдет место урегулирование колониального вопроса таким образом, чтобы, не нарушая существенно британских интересов в Африке, коллективно компенсировать Германию где-нибудь на западном побережье Африки»⁷.

По словам Рикенса, Англия была бы также согласна и на таможенную унию между Германией и Австрией. «Так, например,— говорил он,— вопрос о таможенной унии между Германией и Австрией при сохранении австрийской автономии должен быть расценен самым положительным образом».

Гитлеровская Германия не осталась глухой к английскому зондажу и не замедлила сообщить свои условия заключения соглашения с Англией. Это было сделано гитлеровским послом в Лондоне Риббентропом в беседе с У. Черчиллем в 1937 г. По словам Черчилля, основное, чего требовала Германия, было предоставление ей свободных рук в Восточной Европе. Риббентроп уверял, что возвращение бывших германских колоний не является кардинальным вопросом. «Важнее было,— говорил он,— чтобы Англия предоставила Германии свободу рук на востоке Европы. Германии нужно жизненное пространство для ее все возрастающего населения. Поэтому она вынуждена проглотить Польшу и Данцигский коридор. Что касается Белоруссии и Украины, то эти территории абсолютно необходимы для обеспечения будущего существования германского Рейха, насчитывающего свыше 70 миллионов человек»⁸.

Линия на сговор с Гитлером еще более усилилась в политике Англии после прихода к власти правительства Чемберлена — Галифакса (май 1937 г.). Как писал германский посол в Лондоне Дирксен в своем донесении от 10 июля 1938 г., это правительство «сделало поиски компромисса с Германией одним из существеннейших пунктов своей программы... Правительство Чемберлена приблизилось к пониманию наиболее существенных пунктов основных требований, выставленных Германией в отношении отстранения Советского Союза от решения судеб Европы, отстранения Лиги Наций в этом же смысле, целесообразности двусторонних переговоров и договоров»⁹.

В «Меморандуме» от 26 июня 1938 г. фашистский геополитик Гаусгофер также отмечал, что «правительство Чемберлена — Галифакса считает, что его будущее самым теснейшим образом связано с успешным достижением действительного соглашения с Римом и Берлином...»¹⁰. В ноябре 1937 г. английское правительство направило в Германию лорда Галифакса. Запись его переговоров с Гитлером в Оберзальцберге 19 ноября 1937 г.¹¹ подтверждает, что английское правительство фактически было готово согласиться на перекуровку политической карты Европы в пользу Германии и, в частности, удовлетворить ее претензии на Австрию, Данциг и в отношении Чехословакии¹². Это практически и означало представление Германии «свободы рук в Восточной Европе». Английское правительство настаивало только на том, чтобы гитлеровские требования осуществлялись постепенно, по договоренности с ним и с его согласия. Однако переговоры осложнились, поскольку Гитлер поставил

⁷ «Историко-дипломатический архив СССР» (ИДА), ф. 150, д. 66, Запись беседы Папена с Рикенсом от 11 февраля 1937 г.

⁸ W. S. Churchill. The second world war, vol. I, Boston, 1948, p. 223.

⁹ «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. II, Архив Дирксена (1938—1939 гг.), стр. 33 (далее — «Документы и материалы»). Дирксен сменил Риббентропа в должности посла в Лондоне в феврале 1938 г.

¹⁰ «Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik 1918—1945. Aus dem Archiv des Deutschen Auswärtigen Amtes», Bd. II, Baden-Baden, 1950, dok. № 270.

¹¹ «Документы и материалы», т. I, М., 1948, стр. 10—48.

¹² Там же, стр. 35.

вопрос о колониях. Тогда Чемберлен сделал новую попытку начать переговоры с Гитлером по колониальному вопросу, передав в Берлин соответствующие английские предложения в начале марта 1938 г. Но гитлеровская Германия расценила их как неприемлемые и оставила без ответа¹³. Правительство Чемберлена сделало из этого свой вывод и решило добиваться сближения с Германией прежде всего по линии развития экономического сотрудничества.

В то время гитлеровская Германия, проводящая в широких масштабах подготовку к войне, сильно нуждалась в сырье, поэтому она также не возражала против того, чтобы англо-германское урегулирование началось с экономических проблем¹⁴. Англо-германские переговоры по этим вопросам велись на протяжении 1938 г. Переговоры, как писал Дирксен, проложили «путь для экономического сотрудничества»¹⁵. В Дюссельдорфском соглашении о разграничении рынков сбыта и сфер влияния, заключенном в марте 1939 г. между федерацией английской промышленности и объединением германской промышленности, нашло свое конкретное выражение стремление к сотрудничеству между монополистическими промышленными объединениями Англии и Германии.

Однако непримиримая рознь экономических интересов английских и германских монополий взяла верх над тенденцией к сотрудничеству. Германия уклонялась от заключения с Англией широкого соглашения, по которому Гитлер отказался бы от предъявления новых претензий к Англии и гарантировал сохранность ее колониальных владений и рынков сбыта. Положение осложнялось и тем, что английское правительство в ходе переговоров с немцами не проявляло склонности поступиться частью колониальных владений Англии и ее рынками сбыта.

Чтобы достигнуть своей цели, правительство Чемберлена проводило политику умиротворения фашистской Германии при активном соучастии французского правительства.

Политика попустительства и пособничества агрессору, проводившаяся Англией и Францией, имела своей целью изолировать Советский Союз и направить против него гитлеровскую Германию. Такие расчеты реакционных английских и французских политиков базировались на заявлениях Гитлера о его стремлении «уничтожить» СССР как оплот коммунизма. Политика «умиротворения» фашистских германо-итальянских агрессоров нашла свое яркое проявление в Испании, где Гитлер и Муссолини вели борьбу за свержение республики и установление диктатуры Франко. Характеризуя политику английского правительства в испанском вопросе, Гаусгофер писал, что «Чемберлен желает, чтобы победил Франко и победил поскорее!»¹⁶

Единственной страной, которая поддерживала законное испанское республиканское правительство и выступала против фашистской агрессии и политики умиротворения агрессоров, был Советский Союз.

СССР — ПРОТИВ МЮНХЕНСКОЙ СДЕЛКИ

Безнаказанность германо-итальянской агрессии в Испании была, по сути дела, поощрением к новым захватам. Закрепившись в Испании, фашистская Германия стала готовить захват Австрии. Убедившись в том, что английское правительство не будет чинить ему препятствий, Гитлер 12 марта 1938 г. захватил Австрию. Англия и Франция ограничились словесными протестами. Стараниями Англии и Франции была устранена от обсуждения этого вопроса и Лига Наций. Правительство США

¹³ Там же, стр. 173.

¹⁴ Там же, стр. 188.

¹⁵ Там же, т. II, стр. 188.

¹⁶ «Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik 1918—1945. Aus dem Archiv des Deutschen Auswärtigen Amtes», Bd. II, dok. № 270.

тоже сделало вид, что ничего особенного не случилось, хотя с политической карты Европы исчезло целое государство.

Из всех великих держав только Советский Союз осудил агрессию. При этом он изъявлял свою готовность «участвовать в коллективных действиях, которые были бы решены совместно с ним и которые имели бы целью приостановить дальнейшее развитие агрессии и устранение усилившейся опасности новой мировой войны... Завтра может быть уже поздно,— подчеркивало Советское правительство,— но сегодня время для этого еще не прошло, если все государства, в особенности великие державы, займут твердую недвусмысленную позицию в отношении проблемы коллективного спасения мира»¹⁷.

Советские предложения о выработке общей программы организации коллективной безопасности и борьбы против агрессии были отклонены правительствами Англии и Франции, потому что они не соответствовали их планам и намерениям. Более того, английское правительство решило использовать гитлеровские претензии к Чехословакии для того, чтобы начать отдельные переговоры с Германией.

Чемберлен, Галифакс и другие английские политики в своих беседах с Дирксеном и другими представителями германского правительства постоянно отмечали, что «решение чехословацкой проблемы» может быть достигнуто только с согласия Англии. Английское правительство давало понять, что оно возражает против односторонних германских захватов, не санкционированных им. Но свое согласие на эти захваты правительство Чемберлена обуславливало заключением широкого англо-германского соглашения, по которому оно хотело получить от Германии твердые гарантии того, что Гитлер после удовлетворения его захватнических планов в Юго-Восточной Европе не выступит против Великобритании. Англичане готовы были в случае достижения англо-германского соглашения отдать Гитлеру Чехословакию в качестве компенсации за такую сделку. Именно в это время английское правительство развернуло активную деятельность в целях достижения соглашения с гитлеровской Германией. Этим занимались не только ближайшие сотрудники Чемберлена, но и он сам. После соответствующего зондажа Чемберлен 15 сентября вылетел в Германию для встречи с Гитлером, на которой он хотел обсудить условия этой сделки.

Для оформления этого сговора и была созвана в Мюнхене конференция 29—30 сентября 1938 г., где представители французского правительства, так же как и Чемберлен, сыграли весьма активную роль в достижении сговора с Гитлером за счет Чехословакии. Участвовавший в мюнхенской конференции в составе английской делегации Киркпатрик пишет об этом в своих мемуарах следующее: «Французы, включая Даладье, решили достичь соглашения любой ценой. Они представляли собой смешную группку людей, которые не испытывали ни капли стыда из-за участия в расчленении их союзника»¹⁸.

Правительства Англии и Франции могли сговориться с Гитлером за счет Чехословакии только потому, что их поддерживало правительство США, которое не только одобряло все действия Лондона и Парижа при подготовке мюнхенского сговора с Гитлером за счет Чехословакии, но и само активно участвовало в этой подготовке¹⁹.

¹⁷ «Известия», 18 марта 1938 г.

¹⁸ «The Sunday Times», 31 мая 1959, № 7098, p. 12.

¹⁹ Dr. Edward Beneš. Paměti od Mnichova k nově valce, a k novému vítězství. Orbis-Praha, 1948, str. 255—256; «Documents on British Foreign Policy, 1919—1939», Third Series, vol. II, London, p. 213; «Documents on German Foreign Policy, 1918—1945», Ser. D, vol. I, p. 718 (doc. 457), и др. Позиция правительства США в отношении Чехословакии, равно как и его политика накануне второй мировой войны, нами излагается весьма кратко и постольку, поскольку это необходимо для правильного понимания политики СССР.

В критические дни, когда решалась судьба Чехословакии, только Советский Союз показал себя истинным поборником мира, верным другом народов Чехословакии.

Советское правительство неоднократно заявляло о своей готовности выполнить союзнические обязательства по договору с Чехословакией — оказать ей помощь в случае нападения на нее. Только в марте было два таких заявления²⁰. Готовность СССР оказать помощь Чехословакии публично подтвердил Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин 26 апреля 1938 г.²¹ перед майским кризисом. Советское правительство 25 мая подтвердило, что в случае нападения на Чехословакию СССР окажет ей необходимую помощь. Аналогичные заявления были сделаны СССР 25 июня и 22 августа²². При этом Советский Союз готов был оказать военную помощь Чехословакии даже в том случае, если Франция уклонится от выполнения своих союзнических обязательств, но при условии, что сама Чехословакия будет защищаться и обратиться к СССР за помощью. Именно такое сообщение было сделано Советским правительством в марте 1938 г. К. Готвальду для передачи президенту Бенешу²³. Это признал Э. Бенеш и в 1939 г. в беседе с дочерью Т. Манна.

Советский Союз не только изъявлял согласие оказать военную помощь Чехословакии в случае нападения на нее Германии, но и предпринял ряд мер, осуществление которых облегчило бы выполнение этого обязательства: к западной границе были передвинуты свыше 30 дивизий и держались в полной боевой готовности авиация и танки²⁴.

По мюнхенскому соглашению Гитлер добился осуществления всех своих требований, которые он предъявил тогда к Чехословакии, т. е. расчленения этой страны и присоединения Судетской области к Германии. Но Мюнхеном был также доволен и Чемберлен, ибо одновременно с «решением чехословацкого вопроса» Гитлер согласился подписать англо-германский договор о ненападении в форме двусторонней декларации. Такая же по существу франко-германская декларация была подписана в Париже 6 декабря 1938 г. между Риббентропом и Боннэ. Она являлась не чем иным, как пактом о ненападении.

Характеризуя мюнхенское соглашение, «Правда» 4 октября 1938 г. писала: «Весь мир, все народы отчетливо видят: за завесой изящных фраз о том, что Чемберлен в Мюнхене якобы спас всеобщий мир, совершен акт, который по своему бесстыдству превзошел все, что имело место после первой империалистической войны»²⁵.

В воззвании от 9 октября 1938 г. 12 компартий европейских стран, а также компартии США содержался призыв к борьбе против мюнхенского соглашения. «Мюнхенское предательство не спасло мир, — говорилось в этом воззвании, — а лишь поставило его под угрозу, ибо оно нанесло удар союзу-сил мира во всех странах и поощрило фашистов тем больше усугубить свои требования, что они чувствуют теперь поддержку со стороны реакционных кругов различных стран»²⁶.

Само собой разумеется, что Советское правительство решительно опровергло все попытки правящих кругов Англии и Франции изобразить дело так, чтобы вызвать впечатление, будто мюнхенская сделка совершена с одобрения СССР. В сообщении ТАСС от 4 октября было заяв-

²⁰ «Новые документы из истории Мюнхена», М., 1958, стр. 17, 18.

²¹ Там же, стр. 26.

²² Там же, стр. 41—45, 59—60, 66.

²³ Klement Gotwald. 1949—1950, Praha, 1951, str. 198.

²⁴ «Новые документы из истории Мюнхена», стр. 139—140.

²⁵ «Правда», 4 октября 1938 г.

²⁶ «Коммунистический Интернационал», 1938, № 10, стр. 125—126.

лено, что «к конференции в Мюнхене и ее решениям Советское правительство никакого отношения не имело и не имеет»²⁷.

Мюнхенское соглашение, а также англо-германская и франко-германская декларации представляли собой по существу «объединение Европы без России» в целях отстранения СССР от решения вопросов европейской политики и его изоляции.

Весьма примечательно, что видный английский буржуазный историк Уиллер-Беннет вынужден был в 1946 г. дать высокую оценку усилиям Советского Союза в 1938 г. в предотвращении германской агрессии против Чехословакии. В частности, он писал, что СССР «пользовался любой возможностью, чтобы доказать свою готовность выполнить свои обязательства перед Францией и Чехословакией; все снова и снова это подчеркивалось в Лондоне, Париже, Праге, Женеве, а также в Берлине — к полному замешательству английского и французского правительств». «Западные державы решительно положили конец участию России в европейских делах, захлопнув дверь перед самым ее носом», — так характеризует Уиллер-Беннет курс Англии и Франции при подготовке Мюнхена. Он признает при этом, что «смысл Мюнхенского соглашения заключался в том, чтобы уничтожить Чехословакию как самостоятельный военный, политический и экономический фактор и подготовить условия для дальнейшей экспансии Германии в сторону Польши и России»²⁸. Такую же оценку этому соглашению дают и прогрессивные японские историки, которые пишут, что «мюнхенское соглашение приносило в жертву малые страны и одновременно представляло собой сговор четырех держав, направленный против Советского Союза»²⁹. Даже Э. Бенеш был вынужден признать, что мюнхенский диктат был направлен как против Чехословакии, так и против СССР³⁰.

Политика пособничества гитлеровской агрессии осуществлялась правящими кругами Англии и Франции в расчете на то, что Германия обязательно столкнется с Советским Союзом³¹. Об этом прямо говорилось в письме Риббентропа к Бэннэ от 13 июля 1939 г.³² Ради этого правительства Англии и Франции согласились отдать Германии Восточную Европу в качестве сферы влияния³³.

Безнаказанность гитлеровской агрессии подтолкнула к таким же действиям и фашистскую Италию, которая уже 22 декабря 1938 г. расторгла пакт 1935 г. с Францией, вторглась в Албанию и захватила ее. Япония расширяла свою агрессию в Северном Китае и готовила нападение на МНР. В марте 1939 г. Франко с помощью фашистской Германии и Италии ликвидировал республиканский режим в Испании. Все это вместе взятое создало напряженную международную обстановку.

В политике западных держав сквозило явное желание поскорее спровоцировать нападение фашистской Германии и Японии на Советский Союз. Это обстоятельство и должен был учесть XVIII съезд нашей партии при определении внешнеполитических задач.

Съезд обязывал Советское правительство:

1. Проводить и впредь политику мира и укрепления деловых связей со всеми странами.

2. Соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками.

²⁷ «Внешняя политика СССР», сб. док., т. IV, М., 1946, стр. 395.

²⁸ «Foreign Affairs», October 1946, p. 37, 38.

²⁹ Цит. по кн. «История войны на Тихом океане», т. II, М., 1957, стр. 295.

³⁰ Dr. Edward Benes. Указ. соч., стр. 295.

³¹ Paul Reynaud. La France a sauvé l'Europe, t. 1, Paris, 1947; «Documents on British Foreign Policy, 1919—1939», Third Series, vol. II, doc. 385. Footnote; vol. III, p. 306—307.

³² «Документы и материалы», т. II, стр. 146.

³³ «Gelbbuch», Dok. № 210; «Документы и материалы», т. II, стр. 273.

3. Всемерно укреплять боевую мощь нашей Красной Армии и Военно-Морского Флота.

4. Крепить международные связи дружбы с трудящимися всех стран, заинтересованными в мире и дружбе между народами³⁴.

К весне 1939 г. в результате политики пособничества фашистской агрессии в Европе напряженность еще более обострилась.

Агрессивные державы наращивали свои вооружения и сколачивали военно-политические союзы и блоки, осуществляя одновременно все новые и новые захваты. 22 марта Германия оккупировала Клайпеду, а 23 марта навязала Румынии кабальное экономическое соглашение, которое отдавало эту страну под германский контроль. В это же время Гитлер потребовал от Польши согласия передать Германии Данциг и предоставить экстерриториальные автострасы и железную дорогу через Польский коридор. В довершение всего Германия заявила о расторжении англо-германского морского соглашения 1935 г. и аннулировала пакт о ненападении с Польшей от 26 января 1934 г.

15 марта 1939 г. Германия захватила Чехословакию и тем самым ликвидировала ее национальную и государственную независимость.

Только Советский Союз снова решительно осудил гитлеровскую агрессию против народов Чехословакии. В ноте от 18 марта 1939 г. Советское правительство заявило, что не может признать захват Чехословакии «правомерным и отвечающим общепризнанным нормам международного права и справедливости или принципу самоопределения народов». Советское правительство указало, что действия германского правительства усилили угрозу войны³⁵.

БОРЬБА СССР ЗА ПАКТ О ВЗАИМНОЙ ПОМОЩИ С ЗАПАДНЫМИ ДЕРЖАВАМИ

После захвата Чехословакии опасность новой агрессии в Европе еще более возросла. Советское правительство попыталось в этой связи еще раз предложить западным державам обсудить вопрос о мерах борьбы с агрессией. Воспользовавшись английским запросом по поводу позиции СССР в случае возникновения новой агрессии, Советское правительство предложило созвать совещание представителей наиболее заинтересованных государств, а именно — Великобритании, Франции, Румынии, Польши, Турции и СССР. «Такое совещание, по мнению Советского правительства, давало бы наибольшие возможности для выяснения действительного положения и определения позиций всех его участников»³⁶. Однако английское правительство и на этот раз отклонило предложение СССР как «преждевременное».

Такая позиция правительств Англии и Франции вызывала недовольство народов этих стран. В широких кругах английской и французской общественности становилось все более популярным требование преградить дорогу фашистской агрессии путем создания системы коллективной безопасности с участием Советского Союза. Учитывая все перечисленные выше обстоятельства, правительства Чемберлена и Даладье круто изменили тактику, заявив о своем намерении создать фронт «сопротивления» агрессии, перейти к политике так называемых односторонних гарантий малым европейским странам. Эта политика имела целью воспрепятствовать осуществлению советских предложений по созданию системы коллективной безопасности в Европе. Наибольшую активность в проведении этой политики односторонних гарантий проявляло правительство Чемберлена. 31 марта 1939 г. оно предоставило «га-

³⁴ «XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) 10—21 марта 1939 г.». Стеногр. отчет, М., 1939, стр. 15.

³⁵ «Известия», 20 марта 1939 г.

³⁶ «Известия», 22 марта 1939 г.

рантии независимости» Польше, а 13 апреля Греции, Румынии и Турции. Позже аналогичную гарантию Польше предоставила Франция.

Для успокоения общественности английское и французское правительства заявили о своей готовности начать переговоры с Советским правительством об установлении сотрудничества в организации отпора агрессии. Английское правительство намеревалось использовать факт вступления в контакт, а затем и в переговоры с СССР для того, чтобы оказать давление на Германию, принудив ее к скорейшему соглашению с Англией, о котором велись в то время секретные переговоры. Анализируя эту новую тактику английского правительства, Дирксен назвал ее «политикой двойного действия» («Zwillingsspolitik»), «резервным средством» для достижения главной цели — заставить Гитлера пойти на соглашение с Великобританией. «Англия хочет, — сообщал Дирксен в Берлин, — посредством вооружений и приобретения союзников усилиться и поравняться с осью, но в то же время она хочет попытаться путем переговоров прийти к полюбовному соглашению с Германией и готова для этого принести жертвы: в вопросе о колониях, о приобретении сырья, о жизненном пространстве, о сферах экономических интересов»³⁷.

17 апреля 1939 г. Советское правительство направило правительствам Англии и Франции свои предложения, которые предусматривали заключение пакта о взаимной помощи между СССР, Англией и Францией, построенного на принципе равных прав и обязанностей для всех его участников. Эти предложения предусматривали:

1. Англия, Франция и СССР заключают между собой соглашение сроком на 5—10 лет о взаимном обязательстве оказывать друг другу немедленно всяческую помощь, включая военную, в случае агрессии в Европе против любого из договаривающихся государств.

2. Англия, Франция, СССР обязуются оказывать всяческую, в том числе и военную, помощь восточноевропейским государствам, расположенным между Балтийским и Черным морями и граничащим с СССР, в случае агрессии против этих государств.

3. Англия, Франция и СССР обязуются в кратчайший срок обсудить и установить размеры и формы военной помощи, оказываемой каждым из этих государств во исполнение §§ 1 и 2. Кроме того, предлагалось, чтобы Англия, Франция и СССР приняли на себя обязательство «после открытия военных действий не вступать в какие бы то ни было переговоры и не заключать мира с агрессорами отдельно друг от друга и без общего всех трех держав согласия»³⁸. Советские предложения предусматривали также, что одновременно с политическим соглашением должна быть заключена и военная конвенция.

И, наконец, пункт 8 советских предложений гласил: «Признать необходимым для Англии, Франции и СССР вступить совместно в переговоры с Турцией об особом соглашении о взаимной помощи». Эти советские предложения были вручены народным комиссаром иностранных дел английскому послу Сиидсу 17 апреля 1939 г. и полпредом СССР во Франции министру иностранных дел Бонне 19 апреля 1939 г.

Правительство Чемберлена ответило только 8 мая, т. е. через три недели. Английское правительство снова предложило правительству СССР, чтобы оно обязалось «в случае вовлечения Великобритании и Франции в военные действия, во исполнение принятых ими обязательств, оказать немедленно содействие, если оно окажется желательным, причем род и условия, в которых предоставлялось бы это содействие, явились бы предметом соглашения». Отвечая 14 мая на английскую памятную записку, советская сторона отмечала, что «английские предложе-

³⁷ «Документы и материалы», т. II, стр. 206.

³⁸ В. М. Хвостов. 40 лет борьбы за мир, М., 1958, стр. 58; АВП СССР, ф. 06, оп. 1а, п. 31, д. 4, лл. 27, 28.

ния не содержат в себе принципа взаимности в отношении СССР и ставят его в неравное положение, так как они не предусматривают обязательства Англии и Франции по гарантированию СССР в случае прямого нападения на него со стороны агрессоров, в то время как Англия, Франция, равно как и Польша, имеют такую гарантию на основании существующей между ними взаимности».

Советское правительство обращало внимание на тот факт, что английские предложения распространяют гарантию лишь на Польшу и Румынию, но оставляют неприкрытыми границы СССР со стороны Финляндии, Эстонии и Латвии, между тем отсутствие гарантий Англии и Франции в случае прямого нападения на СССР, а также неприкрытость его северо-западных границ могли послужить провоцирующим моментом для направления агрессии в сторону Советского Союза.

Со своей стороны Правительство СССР предлагало:

«1. Заключение между Англией, Францией и СССР эффективного пакта взаимопомощи против агрессии;

2. Гарантирование со стороны этих трех великих держав государств центральной и восточной Европы, находящихся под угрозой агрессии, включая сюда также Латвию, Эстонию, Финляндию;

3. Заключение конкретного соглашения между Англией, Францией и СССР о формах и размерах помощи, оказываемой друг другу и гарантируемым государствам, без чего (без такого соглашения.— И. К.) пакты взаимопомощи рискуют повиснуть в воздухе, как это показал опыт с Чехословакией»³⁹.

Советские предложения о заключении пакта о взаимопомощи нашли живой отклик среди английской и французской общественности. В английском парламенте они вызвали острые дискуссии и критику в адрес правительства. Многие из выступавших разоблачали нежелание правительства Чемберлена сотрудничать с Советским Союзом и заключить с этой целью равноправный договор о взаимной помощи между Англией, Францией и СССР. Даже в рядах консерваторов, т. е. политических друзей Чемберлена, раздавались протестующие голоса. Такая же картина наблюдалась и во Франции.

В создавшейся обстановке английское правительство было вынуждено пойти на определенные уступки: в принципе согласилось, наконец, на заключение с СССР договора о взаимной помощи. Соответствующее совместное англо-французское предложение было передано Советскому правительству 27 мая 1939 г.

С момента получения англо-французского согласия на заключение с СССР пакта о взаимной помощи англо-франко-советские переговоры, начало которым было положено еще в марте 1939 г., вступили в новую стадию. Хотя англо-французские предложения и предусматривали оказание Советскому Союзу помощи со стороны Англии и Франции в случае прямого на него нападения Германии, однако Англия и Франция, как и прежде, отказывались дать гарантии Прибалтийским странам, открывая тем самым северо-западные границы Советского Союза для нападения агрессора. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что Англия и Франция советскую помощь государствам, получившим английские или французские гарантии, обуславливали двусмысленной оговоркой о том, что эта помощь могла быть оказана лишь в случае получения соответствующей просьбы от правительств этих государств. Однако англо-французские правящие круги признавали свои обязательства об оказании Советскому Союзу помощи только в том случае, если СССР окажется в состоянии войны с европейской державой в результате либо

1) агрессии со стороны этой державы, направленной против другого европейского государства, в отношении которого СССР в соответствии

³⁹ АВП СССР, ф. 06, оп. 1, д. 8, л. 26.

с желанием этого государства обязался оказать помощь против такой агрессии, либо

2) помощи, оказанной СССР другому европейскому государству, которое попросило о такой помощи, чтобы противодействовать нарушению его нейтралитета⁴⁰.

Таким образом, Англия и Франция соглашались оказать помощь СССР только в случае, если он будет втянут в войну, оказывая помощь соседним с ним европейским государствам, правительства которых попросили бы этой помощи. Однако наличие профашистских правительств в Прибалтийских странах делало в высшей степени сомнительным их обращение за советской помощью. А отсутствие такого обращения было бы для правительств Англии и Франции формальным основанием для того, чтобы отказать СССР в помощи в случае, если бы он оказался в состоянии войны с Германией.

Проект предложенного ими пакта предусматривал консультации о форме и размерах помощи. Однако эти консультации должны были иметь место только после того, как агрессия уже совершилась, т. е. тогда, когда надо было действовать без промедления. Разумеется, Советское правительство не могло согласиться с такой постановкой вопроса

Все это говорит о том, что англо-французские предложения от 27 мая 1939 г. были скорее уступкой формального характера. Они свидетельствовали о нежелании правительства Чемберлена сотрудничать с СССР и заключать с ним союз для борьбы против агрессии.

Советское правительство в тот же день дало свою оценку англо-французским предложениям, как не только не содержащим плана организации эффективной взаимопомощи СССР, Англии и Франции, но даже не свидетельствующим о серьезной заинтересованности английского и французского правительств в соответствующем пакте с Советским Союзом. Английскому и французскому послам было прямо заявлено, что англо-французские предложения наводят на мысль, что правительства Англии и Франции не столько заинтересованы в самом пакте, сколько в разговорах о нем. Послы Англии и Франции были предупреждены, что Советское правительство не намерено участвовать в разговорах о пакте, целей которых СССР не знает⁴¹.

Несмотря на то, что англо-французские предложения давали советской стороне все основания сомневаться в искренности намерений своих партнеров, Советское правительство направило 2 июня 1939 г. Англии и Франции новые предложения. Советский проект содержал развернутую формулировку обязательств, при которых договаривающиеся стороны должны были прийти на помощь друг другу. «Франция, Англия и СССР,—говорилось в этом документе,—обязываются оказывать друг другу немедленную всестороннюю эффективную помощь, если одно из этих государств будет втянуто в военные действия с европейской державой в результате либо:

1) агрессии со стороны этой державы против любого из этих трех государств, либо

2) агрессии со стороны этой державы против Бельгии, Греции, Турции, Румынии, Польши, Латвии, Эстонии, Финляндии, относительно которых условлено между Англией, Францией и СССР, что они обязываются защищать эти страны против агрессии, либо

3) в результате помощи, оказанной одним из этих трех государств другому европейскому государству, которое попросило эту помощь, чтобы противодействовать нарушению его нейтралитета». Советское правительство предлагало своим партнерам заключить военную конвен-

⁴⁰ АВП СССР, ф. 06, оп. 1а, д. 9, лл. 8—9.

⁴¹ См. «Фальсификаторы истории (Историческая справка)», М., 1948, стр. 46.

цию: «Три государства договорятся в кратчайший срок о методах, формах и размерах помощи, которая должна быть оказана ими на основании ст. 1»⁴². Советский проект предусматривал обязательства трех государств «в случае открытия совместных действий против агрессии на основании ст. 1, заключить перемирие или мир только по совместному соглашению». Советские условия учитывали пожелание англо-французской стороны о распространении помощи СССР на такие страны, как Бельгия, Греция и Турция, которые уже получили англо-французские гарантии их независимости. Вместе с тем предусматривалось оказание английской и французской помощи Прибалтийским странам.

15 июня 1939 г. Советское правительство получило англо-французские замечания на его последние предложения о пакте взаимопомощи и новые предложения и формулировки отдельных статей обсуждаемого пакта. И на этот раз Англия и Франция выступали против одновременного заключения пакта о взаимной помощи и военной конвенции и предложили ограничиться консультациями генеральных штабов Англии, СССР и Франции. Англо-французская сторона даже отказывалась взять на себя обязательство заключать перемирие или мир только с общего согласия трех держав — участниц пакта, ссылаясь на преждевременность такого обсуждения, поскольку де сейчас не известны причины возникновения войны. Такая позиция Англии и Франции была новым подтверждением их нежелания заключать пакт о взаимопомощи с СССР. Советское правительство не могло не обратить внимания и на то, что правительства Англии и Франции по-прежнему отвергали его предложение об оказании помощи СССР в случае, если он будет вовлечен в войну в связи с нападением агрессора на граничащие с Советским Союзом Латвию, Эстонию и Финляндию, но вместе с тем они считали возможным, чтобы СССР оказал немедленную помощь Польше, Румынии, Бельгии, Греции и Турции в случае нападения на них агрессора и вовлечения в связи с этим в войну Англии и Франции. Правительство СССР подчеркивало, что «оно не может примириться с унижительным для Советского Союза неравным положением, в которое он при этом попадает»⁴³.

В своем ответе от 16 июня Советское правительство обратило внимание Англии и Франции на то, что если они и дальше будут отказываться от предоставления гарантий Эстонии, Латвии и Финляндии, мотивируя это ссылками на нежелание этих стран принять такую гарантию, то будет невозможно решить вопрос о тройственной гарантии и другим странам, о которых шла речь в ходе переговоров, и что тогда из проекта пришлось бы исключить все восемь стран⁴⁴.

Вопросу о гарантиях Прибалтийским государствам Советский Союз придавал большое значение, имея в виду при этом, что вследствие своей слабости эти государства не смогли бы дать отпор агрессору собственными силами. Кроме того, Советское правительство усматривало серьезную опасность нападения на СССР через Прибалтику ввиду фашистского характера тогдашних правительств этих государств. Эти правительства могли вопреки жизненным интересам народов Прибалтики разрешить гитлеровской Германии использовать их территории в качестве плацдарма для нападения на СССР. Конечно, все это было хорошо известно и западным державам. Поэтому Советское правительство и расценивало отказ правительств Англии и Франции дать гарантии Прибалтийским странам, а также оказать помощь Советскому Союзу, если он оказался бы вовлеченным в войну с агрессором в связи с нападением

⁴² АВП СССР, ф. 06, оп. 1а, п. 32, д. 10, л. 2.

⁴³ Там же, д. 9, лл. 33—34. Оpubл. в «Documents on British Foreign Policy», vol. VII, частично излагается в кн. «Десятый международный конгресс историков в Риме, сентябрь 1955 г.», М., 1951, стр. 670.

⁴⁴ АВП СССР, ф. 06, оп. 1а, п. 32, д. 9, л. 34.

последнего на одну из Прибалтийских стран, как стремление западных держав оставить открытыми балтийские ворота. Так же оценивалась позиция правительства Чемберлена по вопросу о гарантиях Прибалтийским странам в информированных кругах Лондона⁴⁵. Правящие круги Англии и Франции лелеяли мысль о том, чтобы повернуть германскую агрессию на Восток. Этот факт отмечает, в частности, Уиллер-Беннет: «В некоторых лондонских кругах существовала тайная надежда, что если бы удалось повернуть на Восток направление германской агрессии, то она растратила бы свои силы в русских степях в борьбе, которая истощила бы обе воюющие стороны. Москва не могла не знать о существовании подобных взглядов»⁴⁶.

На состоявшейся 25—31 мая 1939 г. III сессии Верховного Совета Советское правительство подробно информировало советский народ о состоянии переговоров с правительствами Англии и Франции. Оно еще раз заявило о готовности к соглашению, которое должно быть построено на принципе взаимности и равных обязанностей⁴⁷. Однако англо-французские предложения не соответствовали этому принципу взаимности и равных обязанностей. Об этом, в частности, свидетельствовали и англо-французские предложения от 21 июня 1939 г. Хотя Англия и Франция в конце концов формально и согласились дать гарантии Прибалтийским странам на случай косвенной агрессии, однако они сопровождали свое согласие такими условиями и оговорками, которые сводили на нет их гарантию. В частности, советская помощь Прибалтийским государствам предусматривалась только в том случае, если она будет признана желательной фашистскими правительствами этих стран. Фактически под разными предлогами они уклонялись от предоставления Прибалтийским странам таких гарантий, которые сделали бы невозможными не только насильственный захват фашистской Германией этих государств (как с помощью военной силы, так и путем угрозы ее применения), но и захват, подготовленный изнутри при помощи инспирированного Германией внутреннего переворота в этих странах. СССР имел все основания опасаться, что в результате таких переворотов Прибалтийские страны откроют для Гитлера балтийские ворота для нападения на Советский Союз. Все это делало совершенно неприемлемыми англо-французские предложения от 21 июня, о чем Советское правительство уведомило правительства Англии и Франции.

Между тем кампания в Англии по обвинению СССР в затяжке переговоров еще более усиливалась. В нее включились и официальные представители английского правительства. Так, например, заместитель министра иностранных дел Батлер заявил в английском парламенте 31 июля, будто в переговорах с СССР основным разногласием «является вопрос о том, должны ли мы посягать на независимость балтийских государств или нет»⁴⁸.

Чтобы положить конец подобного рода инсинуациям, 2 августа было опубликовано сообщение ТАСС, в котором давалась должная оценка выступления Батлера: «На самом деле разногласия состоят не в том, чтобы посягать или не посягать на независимость балтийских стран, ибо обе стороны стоят за гарантию этой независимости, а в том, чтобы в формуле о «косвенной агрессии» не оставлять никакой лазейки для агрессора, покушающегося на независимость балтийских стран. Одна из причин затяжки переговоров состоит в том, что английская формула оставляет такую лазейку для агрессора»⁴⁹.

⁴⁵ ИДА СССР. ф. 38-г, оп. 20, д. 162, л. 222.

⁴⁶ «Foreign Affairs», October, 1946, p. 38.

⁴⁷ «Третья сессия Верховного Совета СССР», стеногр. отчет, Изд. Верховного Совета СССР, 1939, стр. 476.

⁴⁸ «Известия», 2 августа 1939 г.

⁴⁹ Там же.

Анализ предложений, которые были внесены англо-французской стороной весной 1939 г. в ходе московских политических переговоров, показывает, что их авторы не ставили своей задачей заключать с Советским Союзом равноправное соглашение о сотрудничестве в борьбе против агрессии. Оказывать помощь Советскому Союзу они не хотели. И в этом заключался провокационный намек Гитлеру на то, что если он нападет на СССР, то Англия и Франция останутся в стороне и Советский Союз будет воевать с Германией один на один. Именно в этом плане они и хотели использовать московские политические, а позже и военные переговоры 1939 г.

Прав был Ллойд Джордж, который в конце июля 1939 г. публично поставил перед правительством Чемберлена следующий вопрос: «Почему премьер-министр или лорд Галифакс не отправились немедленно в Москву уточнить детали, как только Россия проявила готовность войти в союз с западными демократическими государствами, чтобы остановить агрессоров?» На этот вопрос правительство не дало ответа. Но тогда же ответил на него сам Ллойд Джордж: «Невилль Чемберлен, Галифакс и Джон Саймон не хотят никакого соглашения с Россией»⁵⁰.

МОСКОВСКИЕ АНГЛО-ФРАНКО-СОВЕТСКИЕ ВОЕННЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ 1939 г. И СРЫВ ИХ ЗАПАДНЫМИ ДЕРЖАВАМИ

Правительства Англии и Франции проявили свое нежелание пойти на заключение с СССР равноправного и эффективного пакта о взаимной помощи также и во время переговоров представителей вооруженных сил трех стран, которые были начаты 12 августа 1939 г. в Москве по инициативе Советского правительства. Предложение об их открытии правительство СССР сделало 23 июля 1939 г. Однако, согласившись на военные переговоры, Англия и Франция умышленно оттягивали их открытие. Посылка военной миссии для переговоров в Москву без соответствующих полномочий свидетельствует о том, что правительство Чемберлена практически не думало заключать военное соглашение с СССР о совместных действиях по борьбе с агрессией. Да и сам состав этой миссии свидетельствовал о том же⁵¹. Опубликованные в Советском Союзе записи этих переговоров военных миссий⁵², сделанные советской стороной, документально подтверждают нежелание Англии и Франции заключить с СССР военное соглашение. Эти документы показывают также, что московские переговоры были сорваны по вине Англии и Франции.

Поскольку военные переговоры трех держав имели своей целью выработать военную конвенцию, которая предусматривала бы совместные действия против агрессора, то само собою подразумевалось, что английская и французская миссии должны были привезти в Москву разработанные планы ведения совместных военных операций и организации обороны Англии, Франции и СССР. Именно об этом и напомнила советская сторона на заседании 12 августа. Однако в сообщении, которое было сделано главой французской миссии генералом Думенком 13 августа, вопрос о совместных действиях Англии, Франции и СССР оказался полностью обойденным. При изложении английского плана генералом Хейвудом совместные военные операции трех держав также не предусматривались⁵³.

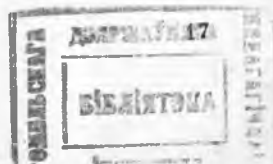
На повторный вопрос советской делегации на заседании 13 августа о том, как миссии или генеральные штабы Франции и Англии представ-

⁵⁰ «Ce Soir», 26.VII.1939.

⁵¹ «Документы и материалы», т. II, стр. 117.

⁵² См. «Международная жизнь», 1959, № 2, стр. 144—158 и № 3, стр. 139—158.

⁵³ «Международная жизнь», 1959, № 2, стр. 146, 148—149, 150—152.

ляют себе участие вооруженных сил Советского Союза в войне против агрессора, ясного и четкого ответа дано не было. Только военная миссия СССР представила конкретный план совместных военных действий трех держав, в котором были разработаны три возможных варианта совместных военных действий вооруженных сил Советского Союза, Англии и Франции в случае агрессии в Европе. Согласно этому плану, СССР обязывался выставить на фронт против агрессора в Европе: 120 пехотных дивизий, 5 тыс. тяжелых орудий (пушки и гаубицы), 9—10 тыс. танков, от 5 до 5,5 тыс. боевых самолетов (без вспомогательной авиации). Советский план предусматривал также и участие в совместных действиях Польши и Румынии. В этом плане были предусмотрены действия СССР в случае нападения агрессора на Англию и Францию, в случае нападения на Польшу и Румынию и, наконец, в случае нападения на Советский Союз. Подробно изложив все перечисленные выше варианты плана, советская миссия вправе была поинтересоваться вопросом о пропуске советских войск через польскую и румынскую территории, так как без этого советские войска практически не могли войти в соприкосновение с противником и оказать помощь Англии и Франции. Поскольку главы английской и французской миссий Дракс и Думенк об этом умолчали, советская сторона поставила перед ними этот вопрос на заседании 14 августа, подчеркнув, что «без положительного разрешения этого вопроса все начатое предприятие о заключении военной конвенции между Англией, Францией и СССР, по ее мнению, заранее обречено на неуспех»⁵⁴. 17 августа переговоры были прерваны до 21 августа с тем, чтобы английская и французская миссии окончательно выяснили отношение своих правительств к поставленному советской стороной вопросу о пропуске советских войск через территорию Польши. Однако, когда 21 августа миссии собрались вновь, то на этот вопрос не было дано ясного ответа ни с английской, ни с французской стороны. В целях дальнейшей затяжки переговоров Дракс внес предложение опять «отложить заседание еще на 3—4 дня». Эта уловка была разоблачена советской миссией.

На заседании советская делегация сделала вывод о том, что, если «этот аксиоматический вопрос французы и англичане превращают в большую проблему, требующую длительного изучения, то это значит, что есть все основания сомневаться в их стремлении к действительному и серьезному военному сотрудничеству с СССР. Ввиду изложенного ответственность за затяжку военных переговоров, естественно, падает на французскую и английскую стороны»⁵⁵. Ни Англия, ни Франция ответа на этот вопрос не дали и тем самым сорвали военные переговоры.

Вся беда заключалась в том, что тогдашние правительства Англии и Франции военную конвенцию с СССР заключать не хотели. Поэтому они использовали как подходящее средство, чтобы завести московские переговоры в тупик и в конечном счете сорвать их, провокационную антисоветскую политику реакционного польского правительства. Вопреки здравому смыслу и национальным интересам польского народа незадачливые польские правители проводили неразумную политику игры на противоречиях между СССР и Германией, политику противопоставления Польши Советскому Союзу. Поэтому польское правительство и отклонило предложение Советского Союза о сотрудничестве и об оказании помощи в случае нападения на Польшу гитлеровской Германии, сделанное заместителем народного комиссара иностранных дел В. П. Потемкиным в мае 1939 г. во время его визита в Варшаву⁵⁶. Не изменило оно этой позиции и в августе 1939 г.⁵⁷ Вместо того, отмечал В. Гомулка

⁵⁴ «Международная жизнь», 1959, № 2. стр. 155. 157—158.

⁵⁵ Там же, № 3, стр. 157.

⁵⁶ «Коммунист», 1959, № 10 стр. 122.

⁵⁷ «Известия», 26 сентября 1939 г.; см. также М. Станевич. Сентябрьская катастрофа, М., 1953, стр. 215.

в своем докладе в июле 1959 г., чтобы пойти на сотрудничество с СССР, польское правительство, ослепленное враждой к Советскому государству, «делало все, что подрывало и губило безопасность Польши: сотрудничало с Гитлером, вместе с ним напало на Чехословакию и почти до последней минуты безоговорочно поддерживало политику экспансии и агрессии третьей империи»⁵⁸.

Правительство Польши, говорил В. Гомулка, «не могло сомневаться в том, что в случае военного конфликта с Германией Польша должна будет потерпеть поражение. Однако оно предпочло совершенно сознательно пойти на поражение Польши, чем менять свое отношение к Советскому Союзу, заключить с ним оборонительный союз и, таким образом, обеспечить Польшу, если не от гитлеровской агрессии, то от поражения в войне с Германией». Правители Польши своей провокационной антисоветской политикой играли на руку фашистским агрессорам, помогая сорвать англо-франко-советское соглашение. Правительства Англии и Франции поощряли обструкционистскую позицию польского правительства, зная при этом о приближении даты гитлеровского нападения на Польшу, которое в соответствии с приказом Гитлера от 3 апреля 1939 г. планировалось на 1 сентября 1939 г.⁵⁹

Правительства Англии и Франции отказом от соглашения с СССР сознательно бросали Польшу на произвол судьбы, выдавая ее на растерзание Гитлеру. О готовности Англии предоставить Гитлеру решение судьбы Польши при условии достижения широкого англо-германского соглашения прямо говорили доверенные лица Чемберлена во время секретных англо-германских переговоров летом 1939 г. в Лондоне⁶⁰.

Не было случайным совпадением и то, что во время московских военных переговоров английское правительство активизировало также свои попытки достичь соглашения с Гитлером. Это, в частности, подтверждают свидетельские показания шведского промышленника Биргера Далеруса на Нюрнбергском процессе⁶¹. Характеризуя политику Англии накануне второй мировой войны, Г. Икес, бывший министром внутренних дел США при Рузвельте, писал в своих мемуарах: «Англия давно могла бы договориться с Россией, но она продолжала обманывать себя иллюзией, что ей удастся столкнуть друг с другом Россию и Германию и таким образом самой выйти сухой из воды»⁶².

Отказ Польши пропустить советские войска через свою территорию был использован западными державами как удобный предлог, чтобы уклониться от соглашения с СССР. Именно так вынуждены расценивать этот факт даже многие буржуазные историки. В частности, западногерманский историк М. Фрейнд писал: «Западные державы хотели найти квадратуру круга — Советский Союз должен был вести войну с Германией, как бы оставаясь в стратосфере, не двигая свою армию против Германии через территорию Польши, т. е. единственно возможным путем! Поэтому переговоры между западными державами и Советским Союзом сорвались, они не могли не потерпеть провала»⁶³. Румынский дипломат Гафенку, бывший одно время министром иностранных дел, писал о позиции Англии в отношении заключения договора о взаимопомощи с СССР: «Правительство Великобритании было счастли-

⁵⁸ В. Гомулка. Доклад о 15 годовщине освобождения Польши. «Известия», 29 июля 1959 г.

⁵⁹ W. Erfurth. Die Geschichte des deutschen Generalstabes von 1918 bis 1945. Göttingen, 1956, S. 203.

⁶⁰ «Документы и материалы», т. II, стр. 70—77, 116—127, 132—142.

⁶¹ «Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками», сб. материалов в 7 т.; т. II, Юриздат, 1958, стр. 400—419.

⁶² «The Secret Diary of Harold L. Ickes», vol. II, The Inside Struggle, New York, 1954, p. 705.

⁶³ «Weltgeschichte der Gegenwart in Dokumenten», Bd. III, München, 1956, S. 79.

во выдвинуть на первый план возражения Польши и Румынии для того, чтобы ограничить те обязательства, которые мог взять на себя Советский Союз»⁶⁴.

В такой обстановке Советское правительство обязано было проявить максимальную осторожность, чтобы не дать втянуть Советский Союз в войну в условиях его полной изоляции, без союзников, причем для СССР это была бы война одновременно с двумя сильнейшими державами — Германией на Западе и Японией на Востоке. Советское правительство должно было считаться с тем, что в результате японских нападений на МНР в районе Халхин-Гола в мае 1939 г. Советский Союз был втянут в войну на Дальнем Востоке. В конце мая 1939 г. на III сессии Верховного Совета Правительство СССР сделало серьезное предупреждение правящим кругам Японии о том, что оно не будет терпеть никаких провокаций со стороны японских агрессоров на границах СССР, публично подтвердив, что по существующему договору о взаимопомощи между СССР и МНР последней будет оказана должная помощь в охране ее границ и что границу Монгольской Народной Республики СССР будет защищать так же решительно, как и свою собственную границу⁶⁵. Однако Япония осталась глухой к этому предостережению. Более того, с июня сражение у Халхин-Гола начало принимать все более широкий размах: в нем участвовало 38 тыс. японских солдат и офицеров, 145 танков и бронемашин, 310 орудий и 225 самолетов. Позже туда была перебросена 6-я японская армия, насчитывавшая 76 тыс. человек; число танков возросло до 182, самолетов — до 300—500, орудий было свыше 500 и т. д.⁶⁶.

Поскольку МНР не имела достаточных собственных вооруженных сил, Советский Союз в соответствии с договором о союзе и взаимопомощи взял на себя всю тяжесть борьбы с японскими агрессорами. С 20 августа советские войска начали наступление и до конца месяца полностью разгромили 6-ю японскую армию. Положение СССР в военном конфликте с Японией было чрезвычайно осложнено в результате заключения англо-японского соглашения Крейги — Арита в конце июля 1939 г., которое получило название «Дальневосточного Мюнхена». Это соглашение укрепило позиции Японии, было фактическим поощрением японской агрессии против МНР и СССР.

СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИЙ ДОГОВОР 1939 г. — ЕДИНСТВЕННОЕ СРЕДСТВО ПРЕДОТВРАТИТЬ СОЗДАНИЕ ОБЪЕДИНЕННОГО АНТИСОВЕТСКОГО ФРОНТА И ПРОДЛИТЬ ДЛЯ СССР МИРНУЮ ПЕРЕДЫШКУ

Советский Союз был обязан проявлять максимальную осторожность, чтобы не оказаться в состоянии войны и на Востоке и на Западе.

Германское нападение на Польшу могло произойти в любой момент, и поэтому необходимо было безотлагательно предпринять все возможные меры для предотвращения гитлеровской агрессии против СССР. Надо было не допустить, чтобы пламя войны перекинулось через западные границы в пределы Советского государства. Убедившись в невозможности заключения пакта о взаимопомощи с Англией и Францией, Советское правительство не могло не поставить перед собою вопроса о других возможностях обеспечить мир и предотвратить войну между Германией и СССР.

Советское правительство руководствовалось в своей деятельности сформулированной XVIII съездом ВКП(б) задачей «проводить и впредь политику мира и укрепления деловых связей со всеми стра-

⁶⁴ Gregoire Gafenco. Derniers jours de l'Europe, Paris, 1945, p. 165—166.

⁶⁵ «Третья сессия Верховного Совета СССР», стр. 476.

⁶⁶ «История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941—1945», т. I. М., 1960, стр. 240.

нами» и «соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками».

Первый германский зондаж о возможности улучшения отношений между Германией и СССР был сделан советником МИД Германии по экономическим вопросам Шнурре и статс-секретарем МИД Вейцзекером в начале мая, в ходе переговоров с полпредом, а затем временным поверенным в делах СССР в Берлине Астаховым⁶⁷. Советское правительство первоначально не имело намерений заключать договор с фашистской Германией, так как не верило ее мирным заверениям.

Поверенный в делах СССР в Берлине говорил, в частности, 28 июня 1939 г. советнику Шнурре: «У нас нет уверенности в том, что намечаемое изменение германской политики носит серьезный неконъюнктурный характер и рассчитано надолго вперед». Поэтому Шнурре был вынужден произносить такие речи: «Скажите, какие доказательства Вы хотите? Мы готовы на деле доказать возможность договориться по любым вопросам, дать любые гарантии»⁶⁸.

Не случайно германский посол в СССР Шуленбург в беседе с Народным Комиссаром иностранных дел СССР 28 июня 1939 г. всячески уверял и подчеркивал, что «германское правительство желает не только нормализации, но и улучшения своих отношений с СССР». Шуленбург добавил далее, что это заявление, сделанное им по поручению Риббентропа, получило одобрение Гитлера. Это желание Германии «улучшить» отношения с СССР было подтверждено Шуленбургом 3 августа в ходе беседы в Наркомате иностранных дел⁶⁹. Одновременно эти же предложения повторил Риббентроп Астахову.

С начала августа германская дипломатия развила чрезвычайно активную деятельность с тем, чтобы убедить Советское правительство начать переговоры. Вейцзекер подчеркивал при этом ненадежность Англии как союзника. «Если же Советский Союз предпочтет взаимопонимание с нами,—говорил Вейцзекер,—он обретет безопасность, которую так хочет, и получит все гарантии для ее обеспечения»⁷⁰.

4 августа 1939 г. Шуленбург сообщал в Берлин о недоверчивом отношении Советского правительства к германским предложениям и с тревогой отмечал, что «Советское правительство в настоящее время решило подписать (договор.—И. К.) с Англией и Францией, если они удовлетворят все пожелания Советов». Шуленбург утверждал далее, что «потребуется значительные усилия с нашей стороны, чтобы вызвать перемену в политике Советского правительства»⁷¹. 7 августа он писал: «При каждом слове и при каждом шаге можно видеть огромное недоверие к нам».

Давая оценку германским предложениям, поверенный в делах СССР в Берлине докладывал Советскому правительству 8 августа 1939 г. о том, что германские правители не собираются «всерьез и надолго соблюдать соответствующие эвентуальные обязательства. Я думаю лишь,—писал он,—что на ближайшем отрезке времени они считают мыслимым идти на известную договоренность..., чтобы этой ценой нейтрализовать нас... Что же касается дальнейшего, то тут дело зависело бы, конечно, не от этих обязательств, но от новой обстановки, которая создалась бы»⁷².

На протяжении лета 1939 г. германское правительство неоднократно выступало со своими предложениями начать советско-германские переговоры. Для подтверждения серьезности своих намерений пойти на улуч-

⁶⁷ АВП СССР, ф. 011, оп. 4, д. 59, лл. 105—110; ф. 06, оп. 1, д. 85, лл. 30—31, 34—35.

⁶⁸ АВП СССР, п. 27, д. 59, л. 194; ф. 06, оп. 1, д. 2, л. 5.

⁶⁹ Там же, ф. 06, оп. 1, д. 1, л. 105; д. 2, лл. 2—6.

⁷⁰ «Documents on German Foreign Policy, 1918—1945», Ser. D., vol. VII, p. 13.

⁷¹ Там же, vol. VI, p. 1062, 1076.

⁷² АВП СССР, ф. 06, оп. 1, п. 10, д. 93, л. 20

шение отношений с СССР германское правительство пошло на заключение советско-германского экономического соглашения, по которому оно предоставило Советской стране кредит в размере 200 млн. марок.

14 августа 1939 г. Берлин телеграфировал Шуленбургу, что последний уполномочивается выяснить вопрос о поездке в Москву Риббентропа для ведения переговоров со Сталиным. «Только путем такого прямого обсуждения,— говорилось в телеграмме,— по мнению г-на Риббентропа, можно добиться изменения и не будет исключено создание основы для решительного улучшения германо-русских отношений»⁷³.

За время с 15 по 21 августа германское правительство настойчиво и неоднократно ставило перед Советским правительством вопрос о необходимости урегулирования советско-германских отношений. В частности, 20 августа Гитлер сообщал в телеграмме Советскому правительству о том, что между Германией и Польшей может в любой день разразиться кризис и предлагал безотлагательно подписать германо-советский пакт о ненападении.

В связи с фактом прекращения политических переговоров с западными державами (так как английский представитель Стрэнг 7 августа вылетел из Москвы в Лондон, где у него якобы накопилось «много дел») и тупиком, в который зашли московские военные переговоры с этими державами из-за их нежелания подписывать с СССР военную конвенцию, Советское правительство было вынуждено 21 августа принять германское предложение о заключении договора о ненападении. Договоры о ненападении с Германией уже имели Англия, Франция, Польша и другие европейские страны.

Заключая договор о ненападении с Германией, Партия и Советское правительство сознавали, что этот договор не должен ослабить нашей бдительности в защите интересов народов Советского Союза. При ратификации договора Советское правительство заявило о необходимости быть в готовности на случай любой агрессии против СССР.

Характеризуя обстановку, в которой Советское правительство оказалось вынужденным пойти на этот договор с Германией, Н. С. Хрушев говорил 21 июня 1961 г.: «Накануне второй мировой войны так называемые западные демократии проводили двуличную политику, и Советское правительство убедилось, что они не хотят объединить свои усилия с Советским Союзом против фашистских стран Германии и Италии, стремятся толкнуть гитлеровскую Германию против нашей страны. Тогда у Советского правительства не оставалось иного выхода, как пойти на переговоры с Гитлером, сознавая, что оно идет на сделку с самим дьяволом. Именно вероломная политика правящих кругов Англии и Франции вынуждала нас пойти в августе 1939 года на заключение договора о ненападении с Германией. Мы не могли действовать иначе»⁷⁴. Никто не сможет оспорить ту очевидную истину, что СССР пошел на заключение договора с Германией лишь после того, как он убедился в невозможности создания антигитлеровской коалиции из-за нежелания правительства Англии и Франции. И если бы правительства названных стран проявили волю к соглашению с Советским Союзом, то он, не колеблясь, пошел бы на это. Это подтверждает один из участников военных англо-франко-советских переговоров в Москве — французский военный атташе в СССР генерал Паллас, который в своем донесении в Париж 23 августа 1939 г. писал следующее: «Я продолжаю считать, что для СССР решение вопроса в смысле соглашения с Германией является лишь выходом на худой конец, а может быть, и средством нажима в целях более быстрого создания прочной, хорошо спаянной во всех своих частях коалиции,

⁷³ «Documents on German Foreign Policy 1918—1945». Ser. D, vol. VII, p. 11

⁷⁴ «Правда», 22 июня 1961 г.

которая, как мне всегда казалось, является предметом желаний советских руководителей»⁷⁵. 27 августа 1939 г. тот же Паллас снова писал о позиции Советского правительства: «Я по-прежнему полагаю, что, опасаясь чрезмерного усиления Германии, оно предпочло бы соглашение с Францией и Англией, если бы только его достижение оказалось возможным на условиях, ясно определившихся в ходе военных переговоров»⁷⁶. Заключение союза Англии и Франции с Советским государством могло бы спасти мир. Об этом заявил Н. С. Хрущев 19 марта 1953 г. в беседе с корреспондентом французской газеты «Фигаро» Груссаром, подчеркнув, что «если бы в 1939 году, когда в Советском Союзе была делегация от Франции и Англии, французы и англичане серьезнее отнеслись бы к переговорам, то войны не было бы».

Даже многие буржуазные политики вынуждены признать, что Англия и Франция не предприняли серьезных попыток достичь соглашения с СССР о создании коллективной безопасности в Европе. Так, Гарольд Батлер пишет, что, если бы СССР был «безоговорочно привлечен западными державами к участию в попытках создать прочный барьер против германской агрессии, ход исторических событий мог бы быть иным и более счастливым»⁷⁷. Еще более определенно высказался по этому вопросу У. Черчилль, который, как известно, никогда не питал каких-либо симпатий к Советскому Союзу. В своих мемуарах он писал: «Союз между Англией, Францией и Россией вызвал бы серьезную тревогу в Германии в 1939 году, и никто не может доказать, что тогда война не была бы предотвращена»⁷⁸.

Не подлежит сомнению, что отказ правительств Англии и Франции от политического и военного союза с СССР не только подорвал основы их собственной безопасности, но и сделал неизбежной вторую мировую войну.

Столкнувшись с упорным нежеланием руководящих западных держав сотрудничать с СССР в целях противодействия агрессии, Советское правительство не могло не сделать вывода о том, что ему нельзя больше надеяться на помощь Англии и Франции в случае нападения на Советский Союз с Запада, не говоря уже о Востоке, где Япония фактически вела против СССР военные действия. Секретные англо-германские переговоры, которые велись одновременно с московскими переговорами, свидетельствуют, что в то время существовала реальная угроза сговора империалистических держав для войны против СССР, начало которому было положено мюнхенским соглашением. Все это вынуждало Советское правительство поставить в качестве первоочередной задачи заботу об обеспечении мира. Эту цель преследовало заключение договора о ненападении с Германией, подписание которого состоялось 23 августа 1939 г.

В Советско-германском договоре содержалось обязательство воздерживаться от агрессивных действий и от нападения в отношении друг друга. Ст. 2 предусматривала, что в случае нападения третьей державы на одну из договаривающихся сторон другая сторона не будет оказывать поддержки нападающей стороне. По ст. 3 договаривающиеся стороны должны были консультироваться по вопросам, представляющим общий интерес. Предусматривалось также неучастие в группировках государств, направленных против одного из участников договора, и разрешение всех спорных вопросов мирным путем. Договор был заключен на 10 лет.

⁷⁵ См. «Десятый международный конгресс историков в Риме, сентябрь 1955 г.», стр. 681.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Harold Butler. *Peace or Power*, London, 1947, p. 21.

⁷⁸ W. S. Churchill. *Указ. соч.*, vol. I, p. 363.

В создавшейся обстановке заключение этого договора с Германией было последней возможностью обеспечить на известный промежуток мир и безопасность для Советского Союза, являвшегося в то время единственной социалистической страной.

Западногерманский буржуазный историк Э. Никиш был вынужден признать в изданной в 1953 г. работе, что для Советского Союза заключение пакта о ненападении с гитлеровской Германией было единственным средством снять угрозу англо-германского нападения на СССР. «Конечно, советско-германский договор о ненападении был смелым, даже рискованным предприятием. Но международное положение было столь запутанным, что в этом предприятии как раз и заключалось спасение Советской России»⁷⁹. Английский историк Д. Флеминг подтверждает, что западные державы оставили Советский Союз один на один с фашистской Германией и что СССР поэтому не имел иного выхода, кроме как заключить с Германией пакт о ненападении⁸⁰.

Заключив договор с Германией 23 августа 1939 г., Советский Союз избежал той ловушки, которую расставили против него мюнхенцы, расстроил их коварные планы втягивания СССР в войну на Западе и Востоке одновременно и к тому же без союзников.

Заключение договора с Германией расстроило агрессивные планы Японии против СССР, которая вела дело к тому, чтобы бои у Халхин-Гола превратить в большую войну против Советского Союза. Поэтому японское правительство и заявило Германии строгий протест в связи с заключением советско-германского договора⁸¹.

Советский Союз использовал договор с Германией для нанесения решительного удара по японским захватчикам в районе Халхин-Гола. (Напомним, что 6-я японская армия была разгромлена в решающих боях с 20 по 31 августа). Только после этого, в сентябре 1939 г. Япония пошла на прекращение военных действий и урегулирование конфликта мирным путем, а в ноябре заговорила о необходимости улучшения политических и экономических отношений с СССР.

Разумеется, при заключении советско-германского договора Правительство СССР учитывало агрессивные замыслы гитлеровцев в отношении СССР и поэтому позаботилось о том, чтобы не допустить гитлеровскую армию близко к тогдашней советской границе, которая проходила недалеко от Минска и Ленинграда, и «по возможности отодвинуть рубежи развертывания германских вооруженных сил на Запад, подальше от жизненных центров СССР. Не могло не позаботиться Советское правительство и о том, чтобы избавить от гитлеровской кабалы украинцев и белорусов, составлявших основное население Западной Украины и Западной Белоруссии»⁸². Заключив с Германией договор, Советское правительство добилось того, что гитлеровская армия не пошла на Восток далее линии рек Писса, Нарев, Буг, Висла, Сан. Как сообщила «Правда» 23 сентября 1939 г., правительства СССР и Германии «установили демаркационную линию между германской и советской армиями, которая проходит по реке Писса до ее впадения в реку Нарев, далее по реке Нарев до ее впадения в реку Буг, далее по реке Буг до ее впадения в реку Висла, далее по реке Висла до впадения в нее реки Сан и дальше по реке Сан до ее истоков».

⁷⁹ Ernst Niekiisch. Das Reich der niederen Dämonen, Rowohlt-Verlag, Hamburg, 1953, S. 292.

⁸⁰ D. Fleming. The World war and its origins. 1917—1960, London, Allen and Unwin, 1961, p. 31.

⁸¹ АВП СССР, ф. 4366 (Материалы судебного процесса в Токио над главными японскими военными преступниками), оп. 2, п. 21, д. 63, л. 297; см. также ЦГАОР и СС, ф. 7867, оп. 2, д. 271, л. 578.

⁸² Б. М. Хвостов. Поучительные уроки истории. «Коммунист», 1959, № 12, стр. 99.

С момента заключения договора и до вероломного нападения гитлеровской Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г. прошло почти два года. Это и была двухлетняя передышка, которую получил СССР в результате подписания договора с Германией. Она была использована советским народом для мирной созидательной работы, а также для усиления оборонной мощи социалистической страны Советов. «Этот договор предотвратил создание единого антисоветского фронта капиталистических держав и обеспечил Советскому Союзу около двух лет мира, необходимых ему для строительства социализма и укрепления своей обороноспособности»⁸³.

Трезвую оценку этому договору дают также и некоторые буржуазные историки. Тот же Уиллер-Беннет приходит к выводу, что Советский Союз хорошо использовал передышку, полученную в результате подписания договора с Германией. Доказательством этого, — пишет он, — является «тот факт, что она (Россия. — И. К.) смогла устоять перед первым бешеным натиском германских войск при их внезапном нападении 22 июня 1941 г.»⁸⁴.

Дальнейшее укрепление сил Советского Союза за эти два года сыграло немаловажную роль в исходе второй мировой войны.

Однако после войны правящие круги западных стран во главе с США встали на путь открытого сговора с бывшим врагом против одного из своих союзников по антигитлеровской коалиции, игнорируя при этом поучительные уроки предвоенной мюнхенской политики.

Западногерманские политики так же, как в свое время гитлеровцы, играют на антикоммунизме и запугивании своих союзников по НАТО призраком «советской агрессии» для того, чтобы получить свободу рук в области вооружений.

За истекшие 15 лет со дня окончания войны западногерманский империализм добился многого. С помощью США он воссоздал свою армию для новой агрессии и таким образом снова превратился в главный очаг всенной опасности в Европе. Теперь «западногерманские милитаристы спят и видят, как бы воспользоваться неустойчивостью положения в Европе, чтобы столкнуть между собой своих бывших противников — державы антигитлеровской коалиции»⁸⁵.

Правящие круги западных держав во главе с США все еще тешат себя мыслью о том, что и на этот раз им удастся направить германскую агрессию против СССР и других стран социалистического лагеря. Однако они забывают, что германский милитаризм хорошо знает дорогу и на Запад. Об этом свидетельствует опыт истории. «Кто сеет ветер, тот пожнет бурю» — эту мудрую пословицу не следовало бы забывать тем, кто ведет опасную провокационную политику игры с огнем.

⁸³ «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945 гг.», т. I, стр. 19.

⁸⁴ «Foreign Affairs», October 1946, p. 43.

⁸⁵ Н. С. Хрущев. Отчет ЦК КПСС XXII съезду КПСС. В кн. «Материалы XXII съезда КПСС». М., 1961, стр. 31—32.